

О ПОРЯДКЕ ЧТЕНИЯ ЦИКЛА «РУГОН-МАККАРЫ»

Работа над романами цикла «Ругон-Маккары» заняла у Эмиля Золя больше двадцати лет и не происходила линейно: за вычетом хронологически первого и последнего романов, созданных, соответственно, первым и последним, порядок появления частей цикла не всегда соответствовал хронологии описываемых событий. Традиционно цикл издается в порядке написания, однако в этом и дальнейших изданиях мы предпочли руководствоваться его внутренней хронологией. Такой порядок чтения сам автор описывает в финальном романе цикла «Доктор Паскаль» и, по утверждению Эрнеста Альфреда Визетелли, английского переводчика и друга Золя (см. критическую биографию *Émile Zola, Novelist and Reformer: An Account of His Life and Work* by Ernest Alfred Vizetelly, 1904, гл. XI), неоднократно рекомендовал на словах.

Карьера Ругонов (*La Fortune des Rougon*, 1871)

Его превосходительство Эжен Ругон (*Son Excellence Eugène Rougon*, 1876)

Добыча (*La Curée*, 1871–1872)

Деньги (*L'Argent*, 1891)

Мечта (*Le Rêve*, 1888)

Покорение Плассана (*La Conquête de Plassans*, 1874)

Пена (*Pot-Bouille*, 1882)

Дамское Счастье (*Au Bonheur des Dames*, 1883)

Проступок аббата Муре (*La Faute de l'abbé Mouret*, 1875)

Страница любви (*Une page d'amour*, 1878)

Чрево Парижа (*Le Ventre de Paris*, 1873)

Радость жизни (*La Joie de vivre*, 1884)

Западня (*L'Assommoir*, 1877)

Творчество (*L'Œuvre*, 1886)

Человек-зверь (*La Bête humaine*, 1890)

Жерминаль (*Germinal*, 1885)

Нана (*Nana*, 1880)

Земля (*La Terre*, 1887)

Разгром (*La Débâcle*, 1892)

Доктор Паскаль (*Le Docteur Pascal*, 1893)

ДЕНЬГИ

Художник
НАТАН АЛЬТМАН

I

Часы на бирже только что пробили одиннадцать, когда Саккар вошел в ресторан Шампо, в белый с позолотой зал с двумя высокими окнами, выходящими на площадь. Он окинул взглядом ряды столиков, где с озабоченным видом, близко придвинувшись друг к другу, сидели посетители, и, казалось, удивился, не найдя того, кого искал.

Один из официантов, торопливо сновавших по залу, пробежал мимо с полным подносом. Саккар спросил его:

— Что, господин Гюре не приходил?

— Нет еще, сударь.

Тогда, решив ждать, Саккар сел за освободившийся столик в амбразуре окна. Он боялся, что опоздал, и, пока меняли скатерть, стал смотреть на улицу, следя за прохожими. Даже когда ему подали прибор, он не сразу заказал завтрак и еще несколько мгновений не отрывал глаз от площади, залитой веселым светом одного из первых майских дней. В этот час, когда все завтракали, она почти совсем опустела: скамьи под каштанами с нежной молодой зеленью были свободны; на стоянке экипажей, вдоль всей ограды, от одного ее конца до другого, вытянулся ряд фиакров; и омнибус, идущий от Бастилии, остановился перед конторой у сада, не приняв и не высадив ни одного пассажира. Лучи солнца, падая почти отвесно, заливали светом здание биржи с его колоннадой, двумя статуями, широкой лестницей и обширным пространством за колоннами, где пока стояли только пустые стулья, выстроенные в боевом порядке.

Обернувшись, Саккар увидел за соседним столиком Мазо, биржевого маклера. Он протянул ему руку:

— А, это вы! Здравствуйте!

— Здравствуйте, — отозвался Мазо, рассеянно отвечая на рукопожатие.

Маленький подвижный красивый брюнет, Мазо недавно, в тридцать два года, получил свою должность по наследству от дяди. Казалось, он был всецело поглощен беседой с сидевшим напротив него

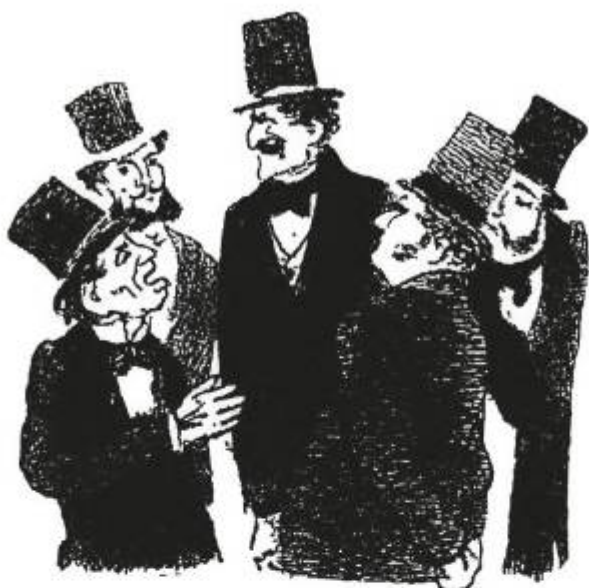
толстым господином с красным бритым лицом, знаменитым Амадье, к которому вся биржа преисполнилась уважением после его прославленной аферы с Сельсисскими рудниками. Когда акции упали до пятнадцати франков и на каждого, кто их покупал, смотрели как на безумца, он вложил в это дело все свое состояние, двести тысяч франков, на авось, без всякого расчета или чутья, с упрямством удачливого тупицы. Потом действительно были найдены богатые месторождения руды, курс акций перевалил за тысячу франков, и Амадье выиграл около пятнадцати миллионов; его сумасбродная покупка, за которую в свое время его следовало посадить в сумасшедший дом, теперь создала ему славу одного из самых глубоких финансовых умов. Ему все кланялись, с ним советовались. Впрочем, с тех пор он воздерживался от игры на бирже и, кажется, был удовлетворен, царствуя в ореоле своей единственной легендарной аферы. Мазо, должно быть, мечтал заполучить его в клиенты.

Саккар, которого Амадье не удостоил даже улыбки, раскланялся с тремя знакомыми дельцами, сидевшими за столиком напротив, — Пильеро, Мозером и Сальмоном:

- Здравствуйте! Как дела?
- Да ничего... Здравствуйте!

С их стороны он тоже почувствовал холодок, почти враждебность. А между тем Пильеро, высокий, худой, с резкими жестами, с ястребиным носом, выделявшимся на костлявом лице странствующего рыцаря, обычно отличался фамильярностью игрока, который взял себе за правило действовать напрапалу: он говорил, что терпит полный крах всякий раз, как начинает размышлять. У него был буйный темперамент игрока, всегда рассчитывающего на повышение курса, тогда как Мозер, низенький, с желтым цветом лица, истощенный болезнью печени, напротив, беспрестанно ныл, все время опасаясь какой-нибудь катастрофы. Что касается Сальмона, это был очень красивый мужчина, который и в пятьдесят лет не поддавался приближающейся старости, гордился своей роскошной черной как смоль бородой и считался необыкновенно ловким малым. Он был неразговорчив, отвечал только улыбкой; никто не знал, играет он на повышение или на понижение, да и вообще играет ли он; его манера слушать производила на Мозера такое впечатление, что нередко, рассказав Сальмону о своих делах и сбитый с толку его молчанием, он бежал изменить какой-нибудь ордер на покупку или на продажу ценных бумаг.

В этой атмосфере всеобщего равнодушия Саккар продолжал осматривать зал беспокойным и вызывающим взглядом. Он издали

обменялся поклоном еще только с одним высоким молодым человеком, красавцем Сабатани, левантинцем с великолепными черными глазами и продолговатым смуглым лицом, которое, однако, несколько портило неприятное, вызывающее какое-то смутное беспокойство выражение губ. Приветливость этого молодчика окончательно рассердила Саккара: изгнанный, должно быть, с какой-нибудь иностранной биржи, таинственная личность, любимец женщин, Сабатани появился здесь прошлой осенью; Саккар знал, что его уже успели использовать в качестве подставного лица при крахе одного банка, причем он постепенно завоевывал доверие официальной биржи и кулисы своей корректностью и неутомимой любезностью даже по отношению к лицам, пользующимся самой дурной репутацией.

Перед Саккаром стоял официант:

— Что прикажете подать, сударь?

— Ах да! Что-нибудь, ну хоть отбивную и спаржи.

Затем он снова окликнул официанта:

— Вы уверены, что господин Гюре не был здесь и не ушел еще до моего прихода?

— О, совершенно уверен!

Вот до чего он докатился после этой катастрофы, когда ему пришлось в октябре еще раз ликвидировать свои дела, продать особняк

в парке Монсо и нанять вместо него квартиру, — только такие, как Сабатани, здоровались с ним, головы уже не поворачивались, руки не протягивались к нему, когда он входил в ресторан, где прежде царил. Он был корректный игрок и не озлобился после своей последней скандальной и злосчастной аферы с земельными участками, в результате которой ему не удалось спасти ничего, кроме собственной шкуры. Но он был полон страстного желания отыграться, и теперь его бесило отсутствие Гюре, который обещал ему непременно прийти сюда к одиннадцати часам, чтобы рассказать о своем разговоре с его братом Ругоном, ныне всемогущим министром. Больше всего он сердился на брата. Гюре, депутат, послушный воле министра, обязанный ему своим положением, был только посредником. Но неужели всеильный Ругон оставит его на произвол судьбы? Ругон никогда не был хорошим братом. То, что он рассердился после катастрофы и открыто порвал с ним, чтобы не быть скомпрометированным самому, было еще понятно; но за эти полгода разве не мог он оказать ему тайную поддержку? И неужели теперь он будет настолько бессердечен, что откажет в последней помощи, о которой Саккар, не смея обратиться к нему лично, чтобы не вызвать у него приступа бешенства, просил через третье лицо? Стоит ему сказать одно только слово, и Саккар снова поднимется на ноги и будет попирать этот огромный подлый Париж.

- Какого вина прикажете, сударь? — спросил метрдотель.
- Вашего обычного бордо.

Отбивная Саккара остывала, но он не чувствовал голода, поглощенный своими мыслями. Заметив, что по скатерти его стола мелькнула тень, он поднял глаза. Это был комиссионер Массиас, толстый краснолицый малый, прежде сильно нуждавшийся. Он проскользнул между столиками с таблицей курсов в руке. Саккар был уязвлен, когда он проскочил мимо него, не остановившись, и предложил таблицу Пильеро и Мозеру. Увлечшись своим спором, те едва бросили на нее рассеянный взгляд, — нет, у них не было ордеров, может быть, в другой раз. Массиас, не смея подойти к знаменитому Амадьё, который, склонившись над салатом из омаров, вполголоса разговаривал с Мазо, вернулся к Сальмону. Тот взял таблицу, долго ее изучал, затем возвратил, не сказав ни слова. Оживление в зале возрастало. Ежеминутно, хлопая дверьми, входили другие агенты. Многие громко переговаривались издали, биржевая лихорадка разгоралась по мере того, как приближался полдень. И Саккар, взгляд которого постоянно возвращался к окну, заметил, что площадь тоже постепенно оживает, прибывают экипажи и пешеходы, а на ступенях биржи, за-

литых ярким солнцем, один за другим, как темные пятнышки, уже появляются люди.

— Говорю вам, — сказал Мозер своим скорбным голосом, — что дополнительные выборы двадцатого марта — очень тревожный симптом... Словом, оппозиция уже завоевала весь Париж.

Но Пильеро пожимал плечами. Что могло измениться от того, что на скамьях левых появились еще Карно и Гарнье-Пажес?

— Вот тоже вопрос о герцогствах, — продолжал Мозер, — ведь он чреват осложнениями. Конечно! Напрасно смеетесь! Я не хочу сказать, что мы должны воевать с Пруссией, чтобы помешать ей жиреть за счет Дании; однако была возможность действовать другими путями... Да-да, когда сильные начинают пожирать слабых, нельзя предугадать, чем это может кончиться. Что же касается Мексики...

Пильеро, который в этот день был в самом благодушном настроении, перебил его, громко засмеявшись:

— Ах, дорогой мой, вы нам надоели с вашими страхами насчет Мексики... Мексика будет славною страницей этого царствования... Черт возьми, откуда вы взяли, что Империя в опасности? Январский заем в триста миллионов был покрыт больше чем в пятнадцать раз! Потрясающий успех!.. Слушайте, я вам назначаю свидание в шестьдесят седьмом году, да, через три года, когда откроется Всемирная выставка, как недавно решил император.

— Говорю вам, дела плохи, — безнадежным тоном повторял Мозер.

— Да бросьте вы, все в порядке!

Сальмон поглядывал то на одного, то на другого, улыбаясь со свойственным ему проницательным видом. И Саккар, слыша их разговор, сопоставил свои личные затруднения с кризисом, который, казалось, угрожал Империи. Судьба еще раз положила его на обе лопатки; неужели этот режим, который его создал, рухнет, как и он, с недостижимых высот в бездну забвения? Ах, как он любил и как защищал Империю, чувствуя, что в течение последних двенадцати лет сам он жил полной жизнью, рос, наливался соком, словно дерево, корни которого уходят в благодатную почву! Но если брат хочет вырвать его из этой почвы, если его хотят исключить из числа тех, кто процветает на жирном черноземе наслаждений, пусть все идет прахом в великом разгроме, которым неминуемо завершатся пиршественные ночи.

Пока он ожидал свою спаржу, на него нахлынули воспоминания и унесли его далеко от этого зала, где шум и волнение становились

все сильнее. Он заметил свое отражение в зеркале напротив, и оно удивило его. Возраст не запечатлелся на его маленькой фигурке; в пятьдесят лет ему нельзя было дать больше тридцати восьми, и он все еще оставался худощавым и шустрым, как юноша. Его смуглое лицо с впалыми щеками, похожее на лицо марионетки, с острым носом и блестящими глазками теперь стало даже как-то благообразнее, приобрело какое-то очарование, упорно сохраняя живость, подвижность и молоджавость, а в густой шевелюре еще не было ни одного седого волоса. И он невольно вспомнил свой приезд в Париж сразу после переворота, тот зимний вечер, когда он очутился на парижской мостовой без гроша в кармане, голодный, с бешеной жаждой наслаждений. Ах, эта первая прогулка по парижским улицам, когда, даже не раскрыв чемодана, он почувствовал непреодолимую потребность, как был, в дырявых сапогах и засаленном пальто, броситься в город, чтобы завоевать его! С тех пор он много раз поднимался на огромную высоту, через его руки прошел целый поток миллионов, но никогда еще не обладал он Фортуной как рабыней, как собственностью, которой располагаешь по своему желанию, которую держишь под замком, осязаемую, живую. Всегда в его кассах хранились ложные, фиктивные ценности, золото утекало из них в какие-то невидимые дыры. И вот он снова на мостовой, как в те далекие времена, когда только начинал свою карьеру, и все такой же молодой, такой же алчный, терзаемый все той же потребностью наслаждаться и побеждать. Он отведал всего и не насытился, потому что, казалось ему, у него не было ни случая, ни времени до конца использовать людей и обстоятельства. Сейчас он испытывал особое унижение оттого, что чувствовал себя на этой мостовой ничтожнее новичка, которого еще поддерживают иллюзии и надежды. И его охватывало страстное желание начать все сначала и снова все завоевать, подняться на такую высоту, какой он еще не достигал, увидеть наконец у своих ног завоеванный город. Довольно обманчивого, показного богатства, теперь ему нужно прочное здание солидного капитала, нужна подлинная власть золота, царящая на туго набитых мешках!

Раздавшийся снова резкий и пронзительный голос Мозера на минуту оторвал Саккара от его размышлений:

— Экспедиция в Мексику стоит четырнадцать миллионов в месяц, это доказал Тьер... И надо быть поистине слепым, чтобы не видеть, что большинство в палате ненадежное. Левых теперь больше тридцати человек. Сам император хорошо понимает, что неограниченная власть становится невозможной, раз он первым заговорил о свободе.

Пильеро не отвечал и только презрительно усмехался.

— Да, я знаю, вам кажется, что рынок устойчив, что дела идут хорошо... Но посмотрим, что будет дальше. Дело в том, что в Париже слишком много разрушили и слишком много настроили! Эти большие работы истощили накопления. Конечно, крупные банки как будто процветают, но пусть только один из них лопнет — и вы увидите, как все они рухнут один за другим... Не говоря уже о том, что народ волнуется... Эта международная ассоциация трудящихся, организованная недавно в целях улучшения жизни рабочих, очень меня пугает. Во Франции всюду недовольство, революционное движение усиливается с каждым днем... Говорю вам, в плод забрался червь. Все полетит к черту.

Но тут все стали громко возражать. У этого проклятого Мозера, должно быть, опять разболелась печень. Между тем, произнося свои речи, он не спускал глаз с соседнего столика, где Мазо и Амадьё среди общего шума продолжали тихо разговаривать. Мало-помалу весь зал встревожился этой конфиденциальной беседой. Что они поверяли друг другу, о чем шептались? Конечно, Амадьё давал ордера, подготовлял какую-то аферу. Вот уже три дня, как распространялись недобрые слухи о работах на Суэцком перешейке. Мозер прищурился и тоже понизил голос:

— Вы знаете, англичане не хотят, чтобы там продолжались работы. Можно ожидать войны.

На этот раз даже Пильеро заколебался — уж очень поразительная была новость. Известие было невероятно, и оно тотчас же стало переходить от столика к столику, приобретая силу достоверности: Англия послала ультиматум, требуя немедленного прекращения работ. Амадьё, очевидно, об этом и говорит с Мазо и, конечно, поручает ему продать все свои акции Суэцкого канала. В воздухе, насыщенном запахом подаваемых блюд, среди непрерывного звона посуды поднялся ропот, надвигалась паника, и волнение усилилось до предела, когда внезапно вошел один из служащих Мазо, юный Флори, молодой человек с приятным лицом, наполовину закрытым густой каштановой бородой. С пачкой карточек в руке он быстро пробрался к своему патрону и, передавая их, сказал ему что-то на ухо.

— Хорошо, — кратко ответил Мазо, вкладывая карточки в свой блокнот.

Затем, взглянув на часы, он сказал:

— Скоро двенадцать! Скажите Бертье, чтобы он подождал меня, и будьте сами на месте. Сходите за телеграммами.

Когда Флори ушел, Мазо возобновил разговор с Амадьё и, вынув из кармана чистые карточки, положил их на скатерть возле своей тарелки; каждую минуту кто-нибудь из его клиентов, уходя, наклонялся к нему мимоходом и говорил несколько слов, которые тот быстро записывал, продолжая есть. Ложное известие, пришедшее неизвестно откуда, возникшее из ничего, разрасталось, как грозное облако.

— Вы продаете, не правда ли? — спросил Мозер у Сальмона.

По последний промолчал и улыбнулся так загадочно, что Мозер оробел, уже сомневаясь в этом ультиматуме Англии и не подозревая, что сам только что его выдумал.

— Что до меня, так я кушлю, сколько предложат, — заявил Пильеро с хвастливой отвагой игрока, не признающего никакого метода.

Опьяненный атмосферой игры, все более накалявшейся к концу завтрака в этом тесном зале, Саккар решился наконец съесть свою спаржу, снова испытывая раздражение против Гюре, на приход которого он почти не рассчитывал. Вот уже несколько недель, как он, всегда быстро решавший все вопросы, колебался, одолеваемый сомнениями. Он понимал, что нужно коренным образом изменить свое положение. Сперва он мечтал о совсем новой жизни, о высшей административной или политической деятельности. Почему бы Законодательному корпусу не ввести его в Совет министров, как ввести его брата? В биржевой игре ему не нравилась эта постоянная неустойчивость — там можно было так же легко потерять громадные суммы, как и нажить их: никогда ему не приходилось спать спокойно, с уверенностью, что он обладает реальным миллионом и никому ничего не должен. И сейчас, раздумывая о себе самом, он сознавал, что, быть может, был слишком горяч для этих денежных битв, где нужно иметь столько хладнокровия. Вероятно, поэтому, повидая в своей необыкновенной жизни так много роскоши и нужды, за десять лет грандиозных спекуляций земельными участками нового Парижа он прогорел и разорился, в то время как другие, более тяжеловесные и медлительные, нажили колоссальные состояния. Да, быть может, он ошибся в своем настоящем призвании, быть может, его активность, страстная вера в свои силы сразу обеспечили бы ему успех в политических схватках. Все будет теперь зависеть от ответа его брата. Если брат оттолкнет его, снова бросит в пучину биржевых спекуляций, — ну что ж, тем хуже для него и для других. Он пойдет тогда на грандиозную аферу, о которой мечтал уже несколько месяцев, никому еще ничего не сказав, на колоссальное дело, пугавшее

его самого; оно было такого размаха, что и в случае успеха, и в случае провала должно было потрясти весь мир.

Пильеро громко спросил:

— А что, Мазо, исключение Шлоссера уже решено?

— Да, — ответил маклер, — сегодня будет объявление... Что же делать? Это всегда бывает неприятно, но я получил самые тревожные известия и первый опротестовал его векселя. Приходится время от времени выметать с биржи всякий сор.

— Мне говорили, — сказал Мозер, — что ваши коллеги Якоби и Деларок потеряли на этом деле кругленькие суммы.

Маклер пожал плечами:

— Ничего не поделаешь... За спиной этого Шлоссера действовала, наверное, целая шайка. Ему что? Он теперь поедет обирать берлинскую или венскую биржу.

Саккар перевел взгляд на Сабатани, который, как он случайно узнал, был в тайном сообщничестве с Шлоссером: оба вели хорошо известную игру — один на повышение, другой на понижение тех же самых бумаг; тот, кто проигрывал, получал половину доходов другого и исчезал. Но молодой человек спокойно платил по счету за свой изысканный завтрак. Затем, со свойственным ему мягким изяществом уроженца Востока с примесью итальянской крови, он подошел пожать руку Мазо, клиентом которого состоял. Наклонившись к нему, он назвал какую-то цифру, и Мазо записал ее на карточке.

— Он продает свои суэцкие акции, — пробормотал Мозер.

И, не выдержав, терзаемый подозрениями, громко спросил:

— Ну как, что вы думаете о Суэце?

Гул голосов смолк, головы всех сидевших за соседними столиками повернулись к нему. Этот вопрос выражал все растущую тревогу. Но спина Амадьё, который пригласил Мазо завтракать просто для того, чтобы рекомендовать ему одного из своих племянников, оставалась непроницаемой, так как ее обладателю нечего было сказать; а маклер, удивленный обилием ордеров на продажу акций, только кивал, из профессиональной скромности не высказывая своего мнения.

— Суэц — верное дело! — заявил своим певучим голосом Сабатани, который, выходя, обошел столики, чтобы любезно пожать руку Саккару.

И Саккар сохранил на минуту ощущение этого рукопожатия, этой гибкой и мягкой, почти женской руки. Еще не решив, какой путь избрать, как по-новому перестроить жизнь, он считал жулика-

ми всех, кого видел здесь. Ах, если они принудят его к этому, как он прижмет их, как оберет этих трусливых Мозеров, хвастливых Пильеро, пустых, как тыква, Сальмонов и этих Амадьё, слывущих гениями только потому, что им повезло! Звон стаканов и тарелок усилился, голоса становились хриплыми, двери хлопали громче, все хотели быть там, на бирже, когда акции Суэца полетят вниз. И, глядя в окно на площадь, которую бороздили фиакры и наводняли пешеходы, Саккар видел, что залитые солнцем ступени биржи были теперь испещрены, словно насекомыми, непрерывно поднимающимися вверх по лестнице мужчинами в строгих черных костюмах, постепенно заполнявшими колоннаду, а за оградой появились неясные фигуры бродивших под каштанами женщин.

Едва он принялся за свой сыр, чей-то густой бас заставил его поднять голову:

— Простите, дорогой мой, я никак не мог прийти раньше.

Наконец-то! Это был Гюре, нормандец из Кальвадоса, с грубым и широким лицом хитрого крестьянина, разыгрывающего простака. Он сейчас же велел подать себе что-нибудь, хотя бы дежурное блюдо с овощами.

— Ну? — сдерживая себя, сухо спросил Саккар.

Но тот, как человек осторожный и себе на уме, не торопился. Он принялся за еду и, наклонившись, понизив голос, сказал:

— Ну, я видел великого человека. Да, у него дома, сегодня утром. О, он был очень мил, очень мил по отношению к вам.

Он остановился, выпил полный стакан вина и положил в рот картофелину.

— И что же?

— Так вот, дорогой мой... Он готов сделать для вас все — все, что сможет; он вас очень хорошо устроит, только не во Франции... Например, губернатором в какой-нибудь из самых лучших наших колоний. Там вы будете полным хозяином, настоящим царьком.

Саккар позеленел:

— Да вы что же, смеетесь надо мной? Почему тогда не прямо в ссылку? А, он хочет от меня отделаться! Пусть побережется, как бы я и в самом деле не доставил ему неприятностей.

Гюре с полным ртом старался успокоить его:

— Да что вы, мы хотим вам только добра, позвольте нам позаботиться о вас.

— Чтобы я позволил уничтожить себя, не так ли?.. Вот что! Только сейчас здесь говорили, что Империя уже совершила почти все ошибки, какие только можно совершить. Да-да. Итальянская война,

Мексика, отношения с Пруссией. Честное слово, все это правда! Вы делаете столько глупостей и безумств, что скоро вся Франция поднимется и вышвырнет вас вон.

Депутат, послушная креатура министра, сразу встревожился, побледнел, стал озираться вокруг:

— Простите, я не могу согласиться с вами... Ругон — честный человек. Пока он у власти, бояться нечего... Нет, подождите, вы его недооцениваете, уверяю вас.

Саккар грубо прервал его и сдавленным голосом проговорил:

— Ладно, целуйтесь с ним, обделяйте вместе свои дела!.. Будет он помогать мне здесь, в Париже? Да или нет?

— В Париже — никогда!

Не сказав больше ни слова, Саккар встал и подозвал официанта, чтобы расплатиться, тогда как Гюре, знавший его бешеный нрав, спокойно глотал большие куски хлеба и не противоречил ему, опасаясь скандала. Но в эту минуту в зале началось сильное волнение.

Вошел Гундерман, король банкиров, хозяин биржи и всего мира, человек лет шестидесяти с огромной лысой головой и круглыми глазами навывкате; лицо его выражало бесконечное упрямство и крайнюю усталость. Он никогда не бывал на бирже и даже намеренно не посылал туда официальных представителей; он никогда не завтракал в публичных местах. Изредка только ему случалось, как сегодня, показаться в ресторане Шампо, где он садился за столик и заказывал всего лишь стакан виши, который ему подавали на тарелке. Уже двадцать лет он страдал болезнью желудка и питался исключительно молоком.

Официанты стремглав бросились за водой, а все присутствующие приняли подобострастные позы. Мозер со смиренным видом рассматривал этого человека, которому известны были все тайны, который повелевал повышением и понижением курса, как Бог повелевает громом. Сам Пильеро почтительно приветствовал его, веря только в непреодолимую силу миллиарда. Было уже половина первого, и Мазо, внезапно оставив Амадьё, подошел и склонился перед банкиром, от которого он иногда имел честь получать ордер. Многие биржевики, собравшиеся уходить, стоя окружили божество и, угодливо согнув спины, почтительно смотрели, как он взял дрожащей рукой стакан воды и поднес его к своим бледным губам, в то время как официанты вокруг поспешно уносили грязные скатерти.

Когда-то в связи со спекуляциями земельными участками в Монсо Саккар имел разногласия с Гундерманом и даже однажды поссорился с ним. Они были слишком разные люди: один — страстный,

падкий до наслаждений, другой — умеренный, исполненный холодной логики. И теперь, когда Саккар, окончательно взбешенный этим триумфальным появлением, выходил из ресторана, Гундерман окликнул его:

— Скажите, друг мой, правда ли, что вы бросаете дела? Наконец-то вы взялись за ум, — давно пора.

Для Саккара это было ударом хлыста по лицу. Он выпрямился во весь свой маленький рост и ответил ясным, колющим, как острие шпаги, голосом:

— Я основываю банк с капиталом в двадцать пять миллионов и надеюсь скоро заглянуть к вам.

И он вышел, оставив за собой гул возбужденных голосов, — в зале все теснились к дверям, чтобы не опоздать к открытию биржи. Ах, если бы наконец добиться успеха, снова увидеть у своих ног тех, кто теперь поворачивается к нему спиной, помериться силами с этим королем золота и, быть может, свалить его когда-нибудь! Он еще не решил начать свое грандиозное дело, он сам удивился той фразе, которую произнес, чтобы только что-нибудь ответить. По развее может он теперь попытаться счастья на каком-нибудь другом поприще, когда брат отказался от него, когда люди и обстоятельства непрерывными оскорблениями вызывают его на борьбу, как окровавленного быка, которого снова и снова выталкивают на арену?

С минуту он стоял, весь дрожа, на краю тротуара. Это был тот шумный час, когда жизнь Парижа как будто приливает к центральной площади между улицами Монмартр и Ришелье, двумя узкими артериями, по которым несется толпа. С четырех сторон площади непрерывным потоком катились экипажи, бороздя мостовую среди водоворота спешивших пешеходов. На стоянке, вдоль ограды, то разрывались, то снова смыкались две цепи фиакров, а на улице Вивьен пролетки биржевых посредников вытянулись сплошной вереницей, над которой возвышались кучера с вожжами в руках, готовые хлестнуть лошадей по первому приказанию. Ступени и колоннада биржи были до того запружены толпой, что казались черными от кишевших там сюртуков, а под часами, где уже собралась и действовала кулиса, поднимался шум спроса и предложения, гул ажиотажа, похожий на рокот вздымающейся волны, который заглушал обычный городской шум. Прохожие оборачивались, с вождением и страхом прислушиваясь к тому, что происходило в этом здании, где совершалось недоступное для большинства французов таинство финансовых операций, где среди этой давки и исступленных криков люди самым непостижимым образом вдруг разорялись или нажива-

СОДЕРЖАНИЕ

О порядке чтения цикла «Ругон-Маккары»	5
ДЕНЬГИ	
<i>Перевод А. Тетеревниковой (гл. I–VI),</i>	
<i>Д. Лившиц (гл. VII–XII) .....</i>	<i>7</i>
МЕЧТА	
<i>Перевод Г. Соловьевой .....</i>	<i>389</i>
ПОКОРЕНИЕ ПЛАССАНА	
<i>Перевод Е. Клоковой .....</i>	<i>575</i>

Золя Э.

3 81 Деньги ; Мечта ; Покорение Плассана : романы / Эмиль Золя ; пер. с фр. А. Тетеревниковой, Д. Лившиц, Г. Соловьевой, Е. Клоковой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2023. — 864 с. : ил. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-22845-0

Эмиль Золя — один из столпов мировой реалистической литературы, предводитель и теоретик литературного движения натурализма, увлеченный исследователь повседневности, страстный правозащитник и публицист, повлиявший на все реалистическое направление литературы XX века и прежде всего — на школу «новой журналистики»: Трумена Капоте, Тома Вулфа, Нормана Мейлера. Его самый известный труд — эпохальный двадцатитомный цикл «Ругон-Маккары», распахивающий перед читателем бесконечную панораму человеческих пороков и добродетелей в декорациях Второй империи. Это энциклопедия жизни Парижа и французской провинции на материале нескольких поколений одной семьи, родившей самые странные плоды, — головокружительная в своей детальности и масштабности эпопея, где есть все: алчность и бескорыстие, любовь к ближнему и звериная страсть, возвышенные устремления и повседневная рутина, гордость, жестокость, цинизм и насилие, взлет и падение сильных и слабых мира сего.

В это иллюстрированное издание вошли четвертый, пятый и шестой романы цикла, и они звучат свежо и актуально даже спустя полтора столетия. На глазах изумленной публики в бурливом Париже возводится и рушится финансовая пирамида, детище обаятельного любителя наживы; бедная сиротка берет уроки жизни у святых; а в захолустном городке Плассан, на родине Ругонов и Маккаров, местное общество падает к ногам приезжего священника, карьериста и фарисея.

Романы «Мечта» и «Покорение Плассана» издаются в новых переводах. Некоторые иллюстрации Натана Альтмана к роману «Деньги» публикуются впервые.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ
ДЕНЬГИ
•
МЕЧТА
•
ПОКОРЕНИЕ ПЛАССАНА

Ответственный редактор Анастасия Грызунова
Редакторы Марианна Тайманова, Ишна Безрукова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Валентина Дик
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова, Валерия Макарова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Маргарита Ахметова, Анастасия Келле-Пелле

Подписано в печать 21.07.2023. Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 52,92. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Бороллево-1, комплекс № 3А,
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

УДК-1798-05-8